

## 1966-й г.: Изменения в религиозной жизни и деятельности молоканских общин. К.И.Козлова (начало)

- Jan. 21st, 2011 at 12:33 PM



*Религиозные секты и расколы всегда меня интересовали. Мне странно, что большинство окружающих эта тема совершенно не увлекает. Когда-нибудь я опишу свои похождения по многочисленным религиозным организациям Санкт-Петербурга, начиная от пятидесятников и заканчивая кришнаитами.*

*Мы, атеисты, можем рано или поздно попасть в ситуацию, в какую попали колонизаторы Америки. Жгли уникальные книги и предметы культа, вытравливая из сознания индейцев "язычество", а спустя столетия с досадой обнаружили, что погибли богатые и совершенно неизученные древние культуры. Это камень в огород воинствующих безбожников. Ведь с течением времени и развитием общества самые многочисленные конфессии запросто могут выродиться в карликовые секты. И тогда тщетно будут плакать историки и этнографы, что погибла богатая древняя культура.*

*Одной из ушедших в прошлое культур являются молокане и родственные им толки - духоборы, прыгуны, хлысты (бичи), скопцы.*

*Справедливости ради замечу, что во времена СССР уделялось достаточное внимание изучению исчезающих религиозных верований и обрядов. Этнографы и историки посещали общины, общались с верующими. Об истории и культуре старообрядцев-беспоповцев, молокан, духоборов и прочих христианских сект писались монографии, издавались статьи в специализированных журналах, проводились конференции.*

*Предлагаю вашему вниманию статью Козловой К.И. "**Изменения в религиозной жизни и деятельности молоканских общин**", вышедшей в 1966-ом году во втором выпуске журнала "Вопросы научного атеизма", выпускавшегося [Институтом Научного Атеизма](#) Академии общественных наук.*

Коренные преобразования жизни в нашей стране привели к серьезным изменениям в идеологии и деятельности старого русского сектантства: духоборов, молокан, субботников и др. Будучи прежде своеобразной формой социального протеста крестьянских масс против господствующей церкви, самодержавия и крепостничества, эти секты после победы Октябрьской революции и с исчезновением питавших их противоречий стали распадаться. Этот процесс глубокого упадка и разложения старого русского сектантства сопровождался попытками приспособления религиозной жизни к новым историческим условиям. О том, какие изменения произошли в идеологии и быту старых русских сект, как идет в них процесс приспособления религии к новой экономической, общественной и культурной жизни, можно судить на примере некоторых молоканских общин, действующих на территории Армянской ССР — в городе Дилижане и селении Фиолетово Спитакского района (Данная статья написана на материалах, собранных этнографической экспедицией МГУ в летние месяцы 1963-1964 гг. В городе

Дилижане изучались молокане бывших селений Головино и Папанино (Новый Дилижан), вошедших теперь в состав города.).

Селения, где проживают молокане, расположены в горной местности. Там очень мало удобных для земледелия площадей, и местное население, издавна страдая от малоземелья, занималось ремесленным и кустарным производством, отхожими промыслами. В дореволюционный период среди молокан существовало сильное имущественное расслоение. Местные зажиточные молокане вкладывали свои капиталы в развитие овцеводства (здесь были удобные пастбища для овец), в извозный промысел (имели ямские дворы далеко за пределами Кавказа, например, в Средней Азии), в покупку домов в разных местах Кавказа и др. Они также различными способами концентрировали в своих руках общинные земли. Многие бедные общинники, бывшие не в состоянии обрабатывать землю, отдавали наделные участки в аренду или вообще отказывались от них; эти земли попадали к имущим общинникам. Главенство в религиозных общинах принадлежало зажиточной верхушке молокан, которая держала под своим влиянием остальных верующих.

С установлением Советской власти в Армении и особенно с началом коллективизации крестьянских хозяйств положение религиозных общин стало изменяться. Это особенно ярко было видно по их отношению к коллективизации. Зажиточные молокане резко выступили против коллективизации. Они называли колхоз порождением дьявола. Имея большое влияние на верующих общинников, они повели агитацию против вступления в колхоз. Под эту агитацию попадали не только середняки, но и часть бедняков. И особенно она воздействовала на женщин как на наиболее отсталую и религиозную часть населения. В молоканских семьях часто бывало так, что мужья вступали в колхоз, а жены отказывались, выделялись из семьи и вели самостоятельное хозяйство, отвергая помощь колхозников.

В процессе борьбы за коллективизацию крестьянских хозяйств произошел раскол среди молоканских религиозных общин. Оформилась новая немногочисленная община молокан — прыгунов-максимистов (Свое название максимисты получили по имени одного из вождей молокан-прыгунов в Закавказье в XIX в. — Максима Рудометкина, которого они почитают как пророка и книги которого играют большую роль в их культуре.). Ядро ее составили молокане, отказавшиеся идти в колхоз. Многие из них уехали работать на производство, в частности в Ереван, где образовали свою общину максимистов. Максимисты, оставшиеся в Фиолетово, до сих пор не вступают в колхоз, все работают на производстве и обособленно держатся от колхозников.

В настоящее время в Спитакском районе существуют три молоканские общины — прыгунов, постоянных и максимистов. Наиболее многочисленна община прыгунов. В селе Фиолетово прыгунов насчитывается 269 человек, постоянных — 110, максимистов — 55 (Данные на начало 1964 г.).

Каждая община имеет свое собрание. Собрания происходят в молельном доме — специальном помещении, арендуемом на средства общины у односельчан. Максимисты в селе Фиолетово не имеют своего молельного дома и собрания устраивают по договоренности у кого-нибудь из членов общины, переходя из дома в дом. Моления

обычно бывают в субботу вечером и в воскресенье утром и вечером. Фиолетовские постоянные и прыгуны в субботу моления не устраивают, чтобы «не утомлять зря людей, так как людям тяжело молиться после рабочего дня».

Во главе каждой общины стоит выборный пресвитер, имеющий помощника. Помимо пресвитера и его помощника в общинах есть группа старцев (пожилые члены общины), которые оказывают большое влияние на жизнь общины. Кроме того, в каждой общине имеются певчие. Это обычно рядовые члены общины, без которых не обходится ни одно моление, ни один молоканский обряд, так как пение является главной составной частью молоканского культа.

О роли, которую играет тот или иной верующий в общине, можно наглядно судить по тому месту, которое он занимает в молельном помещении. В переднем углу вокруг стола сидят пресвитер, его помощник и наиболее уважаемые старцы, на ближайших к столу скамьях — певчие (мужчины и женщины), а затем уже остальные верующие.

Пресвитеры в молоканских общинах — люди пожилого возраста, за 60 лет. По обычаю, не принято выбирать пресвитером человека моложе 50 лет. Только у максимистов в Ереване пресвитеру еще нет и 40 лет. Во всех изучавшихся нами молоканских общинах пресвитеры — люди малограмотные, но с большим жизненным опытом.

Пресвитер и приближенные к нему старцы вершат все дела в жизни религиозных общин. Они распределяют общинные деньги, выступают в качестве миротворцев при семейных разладах, решают всякие вопросы, связанные с праздниками и отправлением культа.

Каков состав верующих? Это обычно люди пожилого и среднего возраста. Так, среди молокан-прыгунов села Фиолетово верующие старше 50 лет составляют 42,5%, в возрасте от 30 до 50 лет — 40,7%, до 30 лет — 16,8%, среди постоянных — соответственно 50%, 40% и 10%, среди максимистов — 34,5%, 23,6% и 41,9%.

Неграмотных среди прыгунов — 5,5%, имеющих образование от 7 до 10 классов — 2,5%, у остальных — образование до 7 классов (преимущественно 4-6 классов). У постоянных — соответственно 1,1% и 6,4%, у максимистов — 18,1% и 3,6%. Неработающих (включая пенсионеров, инвалидов, иждивенцев, домашних хозяек) среди прыгунов — 32,6%, колхозников — 60,7%, занятых на производстве — 5,5%. У постоянных — соответственно 38,2%, 56,3% и 7,3%, у максимистов неработающих — 45,5%, занятых на производстве — 52,7%, колхозников — нет.

Приведенные выше цифры на примере фиолетовских общин показывают неоднородность верующих и по возрасту, и по грамотности, и по роду занятий. Эта неоднородность сказывается и на глубине их религиозных убеждений. Проведенные нами наблюдения среди молокан свидетельствуют, что верующие верят в Бога не в одинаковой степени. Одни верят не задумываясь, посещают молитвенные собрания и в своем поведении стараются быть достойными «братьями» или «сестрами» своей общины. Другие, хотя и утверждают, что молоканская вера умирает и выражают сомнения, по

традиции посещают моления и соблюдают религиозные обряды. Третьи — фактически неверующие, но, боясь общественного мнения (верующих молокан), иногда посещают моленные собрания, соблюдают обряды, чтобы совсем не оторваться от своей общины. Все эти группы верующих по-разному представлены в разных религиозных общинах. Наибольший процент колеблющихся и фактически неверующих — среди постоянных, меньше — среди прыгунов и почти отсутствует у максимистов.

Характерное в жизни верующих — взаимная критика деятельности общин. Постоянные осуждают прыгунов и особенно максимистов за отношение к окружающей действительности. Соответственно, прыгуны высказываются против постоянных и максимистов. Максимисты открыто в критике не участвуют, стараются держаться в стороне от постоянных и прыгунов. Вскрывая кажущиеся им недостатки в жизни других молоканских общин, верующие в то же время стараются оправдать деятельность своей общины.

Все это свидетельствует о том, что внутри общин происходит брожение. Сильно падают устои молоканской веры. Молоканство теряет своих верующих. И чтобы как-то удержать их в лоне религии, руководители сект прибегают к различным способам. Они разными путями стараются примирить отживающую веру с окружающей действительностью. Постоянные идут по пути уступок, отказа от многих догматов молоканства, прыгуны же и особенно максимисты стараются всеми силами проводить в жизнь молоканские заповеди, используя любые средства для воздействия на верующих, которые, однако, не способны остановить отход людей от секты.

Наблюдение за жизнью молокан, беседы с пресвитерами, посещение молений дают возможность в какой-то мере проследить те изменения, которые происходят в молоканстве в настоящее время.

Как бы ни старались молокане отгородиться от окружающей жизни, у них ничего не получается. Современность врывается во все стороны их жизни, и религиозная оболочка, которая в прошлом как-то защищала их быт от окружающего влияния, теперь стала очень тонкой и непрочной, ненадежной.

Молокане и в дореволюционный период в экономическом отношении не представляли собой замкнутых общин. Мужской части молокан приходилось много ездить, много видеть, знакомиться со многими новшествами и внедрять их в быт, но это касалось главным образом материальной культуры. В духовной же культуре, в сознании, по-прежнему господствующими оставались религиозные убеждения. Религиозные общины были замкнуты по отношению к иноверцам и в значительной степени к молоканам других толков. Это даже привело к тому, что у молокан Закавказья, живших в окружении нерусского населения, термин «молокане» помимо религиозного значения приобрел характер этнического. Они противопоставляли себя русским православным и других вероисповеданий и рассматривали себя как какую-то особую этнографическую группу. Молокане не вступали в брак с иноверцами, а если бывали как исключение такие браки, то супруг, принадлежавший к другой религии, принимал молоканство. Нежелательными были браки с молоканами других толков (упований).

В настоящее время эта религиозная замкнутость исчезла (в какой-то степени она сохраняется у максимистов).

В Дилижане браки с людьми других национальностей стали обычным явлением. И не только в семьях рядовых молокан. Даже у пресвитера прыгунов, несмотря на все его противодействие, одна дочь вышла замуж за армянина, другая — за азербайджанца, а сын женился на русской, но не из молоканской среды. В селе Фиолетово смешанные браки пока встречаются среди молодежи, работающей на стороне, в самом же селении живут только молокане, если не считать несколько азербайджанских семей, поселившихся сравнительно недавно, плохо знающих русский язык и живущих несколько обособленно.

Основным мотивом религиозных проповедей молокан является вера в чудо — во второе пришествие Христа. На всех молениях (у постоянных, прыгунов и максимистов), в проповедях, обращениях к верующим звучит призыв к соблюдению христианских заповедей, чтобы быть готовым попасть в будущее тысячелетнее царство. Судя по этим призывам старцев, заповеди соблюдаются очень слабо или совсем не соблюдаются (это также видно из приводимых в доказательство примеров из жизни отдельных верующих), и поэтому руководители общин всячески подчеркивают, что чудо это свершится внезапно, что «Христос явится как тать в ночи» и верующие должны быть готовы в любой момент предстать пред Ним. Достойные будут взяты в тысячелетнее царство, а недостойные, неготовые, грешники погибнут. Верующим также каждый раз напоминает, что Бог внимательно следит за деяниями каждого верующего и, по выражению заместителя пресвитера постоянных в селе Фиолетово, «как колхозный бригадир отмечает в особой учетной книжке добрые и дурные поступки каждого». На молении у прыгунов в Дилижане нам приходилось слышать, как проводилось сравнение между первым и вторым пришествиями Христа. Первое пришествие, по словам проповедника, сопровождалось всемирным потопом, в котором погибли все грешники, а второе будет связано со всемирным пожаром, в котором сгорят все неподготовившиеся вступить в тысячелетнее царствие.

Следует особо отметить, что руководство общин призывает верующих уважать Советскую власть, подчиняться ее законам, так как всякая власть от Бога.

В проповедях на обычных молениях, во время религиозных праздников и особенно во время «общей жертвы» (моления с угощением, посвященные сбору урожая) звучат призывы к борьбе за мир, благодарность нашему правительству за политику мира. Таким образом, в религиозных проповедях находят отражение наиболее животрепещущие события в политической жизни нашей страны и народов мира. Правда, в большинстве случаев эти вопросы подаются верующим очень упрощенно, примитивно, но это объясняется низким уровнем грамотности и общего развития руководителей и старцев общин, которые обычно произносят проповеди и толкуют в современном духе прочитанное из священного писания.

Многие верующие (преимущественно мужчины), аккуратно посещающие религиозные собрания, так же аккуратно посещают местные библиотеки (читают газеты, журналы и художественную литературу), слушают радио и живо интересуются вопросами

международной политики. Эти интересы находят отражение и в религиозных проповедях. Но есть и такие старцы, которые при толковании прочитанного из священного писания призывают читать только религиозную литературу, а всю остальную советуют уничтожать, жечь, так как от нее только суета в умах и неприятности.

Призывая верующих готовиться к тысячелетнему царству, молоканская религия в то же время ничуть не отвергает блага современной жизни. Каждая молоканская семья старается как можно лучше устроить свой быт. Комнаты в молоканских домах обставлены городской мебелью и блистают чистотой и порядком. Во многих домах есть радиоприемники и различные бытовые электроприборы.

Большинство постоянных и прыгунов в Фиолетово работают в колхозе. В предвоенные, военные и первые послевоенные годы колхоз был преуспевающим, трудодень хорошо оплачивался и дисциплина в колхозе была на высоком уровне. Было много передовиков колхозного труда. В последние годы колхоз стал отстающим, оплата трудодня очень низкая (1964 г.) и у колхозников ослабла материальная заинтересованность в работе в колхозе. В связи с этим они большое место уделяют своему личному хозяйству и приусадебному участку.

Максимисты, а также дилижанские прыгуны и постоянные в силу своей малограмотности и отсутствия у большинства из них какой-либо квалификации выполняют обычно малоквалифицированные трудоемкие работы на строительстве зданий, газопровода, дорог и др. Они отличаются большим трудолюбием и дисциплинированностью. Однако, добросовестно трудясь на производстве, они уклоняются от всякой общественной работы. Максимисты даже не вступают в профсоюзы, отказываются от государственных пособий.

Различные группы молокан отличаются друг от друга характером отношения к окружающему миру, приспособления к современности.

В вероучении максимистов имеются некоторые особенности, которые отличают их от прыгунов, из среды которых они вышли. Максимисты главное внимание уделяют заповедям Максима Рудометкина (одного из родоначальников прыгунов). В их молениях книги Рудометкина занимают одно из главных мест. Почитая его как великомученика, страдальца за веру, а всю его жизнь — как подвиг во имя веры, максимисты внесли некоторые дополнения в современное молоканство. В их вероучении очень большое место стала занимать проповедь страданий. Каждый верующий, если он хочет попасть в царство Христово, должен страдать. Страдание укрепляет веру в Бога, делает человека более подготовленным к вступлению в Сион — тысячелетнее царствие. **(продолжение в следующем посте)**

Культ Максима Рудометкина налагает своеобразный отпечаток на всю секту максимистов. Они считают, что всех благ в жизни они должны добиваться только собственным трудом, только этот труд угоден Богу. Поэтому они стараются отказываться от всякой помощи, кроме помощи «братьев» и «сестер» своей общины. Община обязывает своих членов не брать пособий от государства — пенсий, пособий женщинам в дородовой и послеродовой периоды, многодетным матерям и др. Правда, не все максимисты

беспрекословно следуют этим требованиям. Например, когда в Дилижане один максимист стал получать пенсию, община потребовала, чтобы он отказался от нее, но он предпочел уехать к сыну в другой город, но от пенсии не отказался.

Наиболее ярко отношение максимистов к вере и современной действительности выразил пресвитер села Фиолетово: «Мы верим во второе пришествие Христа для спасения. Мы верим также в загробную жизнь, как во второе пришествие Христа... Но по нашей религии человек должен стараться жить как можно лучше в настоящей жизни. Пока человек живет, он должен стремиться к лучшему для себя, особенно для детей. Вот наши предки, например, соломенные крыши делали, так что же, и я должен так делать? Нет! Наши страдальцы писали, чтобы все было у людей общее. Так оно и есть. Имя «Бог» меня делит с вами. Но строй настоящей жизни для меня приемлем».

Вероучение максимистов отрицательно сказывается на членах этой секты, оно изолирует их от общества, даже от собратьев по вере — прыгунов и постоянных. Держатся они подчеркнуто обособленно, не общаются с другими и к себе тоже никого не пускают. Они не появляются ни в каких общественных местах, не ходят в кино и театры, на лекции, не участвуют в кружках самодеятельности, не смотрят телепередач. Они в большей степени, чем какая-либо другая молоканская секта, стараются придерживаться христианских заповедей. Стремление изолироваться от грешного внешнего мира приводит к большой замкнутости максимистов в кругу своей общины, своей семьи.

Заботясь о будущем своей секты, руководители максимистов уповают на молодежь как на свое будущее, поэтому всеми силами стараются удержать ее в секте. В этом отношении очень важны высказывания пресвитера максимистов села Фиолетово: «Детей учить необходимо. Если я его не буду учить, он ведь и Библию читать не будет. А за детей я отвечаю до 16 лет. А потом — что уже они сами изберут: будут они верующими или неверующими. Я вот верующий. До определенного возраста я приобщаю ребенка к вере. Если он изберет другое, пусть идет. Пусть ребенок подрастет и сам поймет, куда надо идти».

Все дети максимистов учатся в школе. Большинство их не вступают в пионеры (родители не позволяют), но если и вступают под влиянием учителей, то галстуки обычно не носят. В комсомол им обычно родители не разрешают вступать, хотя в максимистских семьях есть комсомольцы.

В максимистских общинах существует крепкая дисциплина. Община вмешивается в жизнь каждой семьи. В противоположность прыгунам и особенно постоянным, максимисты не идут ни на какие компромиссы в отношении веры. Они запрещают своим членам вступать в брак с иноверцами, в том числе с прыгунами и постоянными. В противном случае они отказываются совершать брачный обряд. Они отказываются также крестить детей, если их родители нарушали какие-либо религиозные заповеди. Они также не пойдут хоронить умершего, если он чем-то противопоставил себя общине.

Максимисты аккуратно посещают моленные собрания, на которые часто приводят детей дошкольного возраста. Школьники обычно на собраниях не бывают, но дома

постоянно находятся под влиянием религиозной идеологии.

Общины прыгунов, самые многочисленные в изучавшемся районе и задающие тон в молоканстве, за годы Советской власти проделали большую эволюцию. От непримиримого отношения ко всему новому, современному, которое наблюдалось среди них в первые годы Советской власти, они постепенно отступали, примиряясь с действительностью и приспособляясь к ней. Прыгуны в этом отношении занимают среднее положение между максимистами и постоянными.

Еще в довоенные годы многие прыгуны не запрещали своим детям вступать в пионеры, но галстуки носить не разрешали. Некоторые дети носили галстук только в школе, а дома его не показывали. Не давали им денег на кино, но не возражали, если просмотр кинофильмов устраивала школа. Прыгунская молодежь относительно свободно устраивала свою судьбу. Она уходила работать на производство, вступала в комсомол, училась в средних и высших специальных заведениях. Но та молодежь, которая оставалась дома, не порывала непосредственно с общиной, постепенно под влиянием старших начинала посещать моленные собрания и становилась рядовыми членами общины.

Нам приходилось беседовать с мужчинами и женщинами-прыгунами, которым теперь уже за 40 лет. Они с удовольствием вспоминают, как в молодости не пропускали ни одной кинокартины, участвовали в самодеятельности, ходили на танцы, а теперь изредка посещают моления и соблюдают обряды. Прыгуны не так ревниво относятся к соблюдению своей веры. Теперь они охотно вступают в брак с постоянными и поддерживают с ними добрососедские отношения. Прыгуны более снисходительно, чем максимисты, относятся к нарушителям религиозных заповедей. Они не исключают из своей общины людей, редко появляющихся на собраниях, но соблюдающих религиозные обряды. Однако общины прыгунов отказываются совершать брачный обряд над комсомольцами, крестить детей у родителей, вступивших в брак второй раз, так как по молоканской вере они считаются прелюбодеями, а также у родителей, не посещающих молоканские собрания или вступивших в брак не по молоканскому обряду. Они также отказываются хоронить комсомольцев, людей, по какой-либо причине отошедших от общины, и т. д. В подобных случаях бывает так, что, если община отказывается совершать этот обряд, родственники-прыгуны в узком кругу сами совершают обряд.

Совершенно другую картину представляет община постоянных. В ней уживаются самые противоречивые явления. Постоянные всеми силами стараются примирить религию и современность. Это часто приводит не к укреплению секты, а к ее разложению. У постоянных самая слабая посещаемость собраний, самый низкий процент верующих среднего возраста, молодежи в общинах совсем нет. Заповеди молоканства соблюдаются очень слабо. Постоянные никого не отлучают от веры и не исключают из общины. По просьбе верующих родственников совершают брачные обряды над комсомольцами, крестят детей у комсомольцев, у молодых супругов, которые сами не посещают собраний, но родители их туда ходят. Участвуют в похоронах комсомольцев, людей, отошедших от общины, и т. д. Хоронят и прыгунов, если их община отказывается это делать.



В семейном быту постоянных не чувствуется такого давления религии, как у прыгунов и особенно у максимистов. Родители постоянных всячески стараются дать своим детям среднее и высшее образование. Не препятствуют детям вступать в пионеры, комсомол. В семьях постоянных молокан в Дилижане есть партийные и научные работники, учителя, инженеры и т. д. Верующие родители терпимо относятся к детям-атеистам, имеющим высшее и среднее образование. Среди постоянных больше всего встречается смешанных браков с другими национальностями. В их домах можно видеть рядом с Библией новейшую радиолу с набором модных пластинок. В таких семьях верующие родители не прочь тайком от других молокан сходить со своими детьми в кино, как это можно наблюдать в Дилижане. Некоторые пожилые постоянные в Фиолетово, аккуратно посещающие молельные собрания и активно участвующие в жизни общины, говорили нам, что они с удовольствием смотрят передачи по телевидению, когда бывают в городах в гостях у своих детей, и ходят в кино. Но среди своих «братьев» и «сестер» они об этом умалчивают. В общении с другими людьми постоянные менее замкнуты и подозрительны, гораздо проще и приветливее, чем прыгуны и особенно максимисты.

Но как бы ни разлагались молоканские секты, какое бы ни шло внутри них брожение, они существуют, действуют и оказывают в той или иной степени влияние на духовное развитие людей.

Одной из главных причин сохранения молоканских сект в настоящее время является традиция. Молоканские секты не растут за счет прихода в них посторонних людей, принадлежавших к другим верам или бывших неверующими. Эти секты пополняются исключительно из самих молоканских семей.

Дети, рождавшиеся в молоканских семьях, с раннего возраста впитывали учение, мораль и бытовые традиции молоканства. Становясь взрослыми, испытывая на себе повседневное влияние религиозной общины, они уже не порывали с верой своих отцов и дедов. Так было в дореволюционный период. В наше время условия изменились.

Сейчас подрастающее поколение, даже в семьях очень верующих молокан, уже с детства находится под сильным атеистическим влиянием школы и окружающей жизни в противоположность религиозному воспитанию родителей.

Молодежь, покидая отцовский дом, уезжая учиться или работать на сторону, обычно порывает с молоканством и уходит из-под влияния религиозной общины. Несколько другое положение у тех, кто остается дома и живет в окружении религиозной среды.

Пока молодые люди не вступают в брак, они активно участвуют в работе клуба, занимаются спортом, посещают кино, театры, танцплощадки. По внешнему облику и духовным запросам они ничем не отличаются от других своих сверстников. Но как только они вступают в брак, положение меняется: начинают действовать молоканские традиции, связанные с особенностями организации и деятельности молоканских общин. Молоканская община, называющая себя братством, заботится не только о религиозном воспитании своих членов и о спасении их душ, но и о материальной стороне жизни своих «братьев» и «сестер». До сих пор в общинах существует обычай взаимопомощи. На

каждом молении верующие кладут на стол под салфетку деньги (кто хочет и сколько хочет), обычно несколько серебряных монет. Как только накопится достаточная сумма (15-20 руб.), старцы решают, кому из нуждающихся ее послать. Такими нуждающимися считаются люди, принадлежащие к молоканским общинам (независимо, прыгуны это или постоянные), не имеющие возможности работать — инвалиды, больные, престарелые, одинокие и т. д.

Помощь оказывается не только односельчанам, но и верующим молоканам других селений и городов. Например, фиолетовские молокане оказывают помощь молоканам соседнего села Лермонтова, Дилижана, Еревана и др. Получающие помощь пишут благодарственные письма, которые зачитываются на молениях. Кажущаяся на первый взгляд незначительной, эта материальная благотворительность оказывает большое влияние на верующих. Нам приходилось беседовать с нестарыми молоканами, которые довольно индифферентно относятся к вере в Бога, но не хотят окончательно порывать со своей общиной, так как знают, что в случае несчастья община придет на помощь. Эта надежда на материальную помощь особенно привлекает больных, одиноких и т. д. Введение пенсий для колхозников в значительной степени подрывает эту сторону влияния религиозной общины на верующих.

Но молоканская община оказывает верующим не только материальную, но и моральную поддержку, которая во многих случаях жизни бывает намного важнее материальной.

«Братья» и «сестры» не оставляют без внимания людей, у которых случилось какое-либо несчастье (заболел ребенок, умер кто-нибудь из родных и т. п.), всячески утешают их, уповая на Бога. Пресвитер и старцы посещают тяжелобольных, читают молитвы. Как говорил пресвитер постоянных села Фиолетово: «Ночью ли, сплю я или нет, случилась ли радость или несчастье, меня зовут, и я иду читать».

Пожилые верующие, которые пережили тяжелые моральные потрясения, говорили, что если бы не внимание и забота «братьев» и «сестер», то они вряд ли могли бы перенести такие несчастья.

Бывают случаи, когда этому влиянию общины подвергаются и молодые, неверующие люди. Например, у молодой женщины в городе Дилижане, имеющей среднее образование, неверующей, тяжело заболел ребенок. Заметив горе молодой матери, «братья» и «сестры» пришли ей на помощь. В результате она стала ходить на собрания и читать Библию. Потребовались большие усилия ее друзей и общественности, чтобы вырвать ее из религиозных пут.

Новые явления имеют место и в семейных отношениях молокан. Религиозные общины хотя и вмешиваются в семейную жизнь верующих, но уже в гораздо меньшей степени. Если случаются нелады между супругами и дело доходит до развода, то по просьбе их родителей старцы идут улаживать семейные разногласия. В некоторых случаях их посещения имеют успех. В целом же в молоканских семьях развод бывает редким явлением. До сих пор среди молокан существует мнение, что разведенные супруги — это прелюбодеи. Вступившие второй раз в брак при наличии в живых первого мужа или жены

— это тоже прелюбодеи. А по молоканскому обычаю, признание прелюбодеем означает фактическое изгнание из общины и полное презрение со стороны верующих. Если верующих большинство в селении, то положение разошедшихся супругов оказывается довольно тяжелым. Многие молоканские женщины терпят пьянство и издевательства со стороны мужа, лишь бы не прослыть прелюбодейками и не заслужить осуждения со стороны верующих односельчан. В Фиолетово мы беседовали с грамотной, энергичной 42-летней женщиной из прыгунской семьи, которая оставила мужа и вышла второй раз замуж. Второе замужество тоже оказалось неудачным. Ей пришлось перенести много неприятностей со стороны религиозной общины. До сих пор она считается прелюбодейкой. Будучи несчастной в своей семейной жизни, она не порывает со вторым мужем и, по ее выражению, «вынуждена нести молоканский крест ради детей», чтобы, когда они вырастут, «грехи» матери не ложились на них темным пятном.

Но, несмотря на то, что консервативное, опирающееся на силу традиции, общественное мнение еще достаточно сильно, среди молокан бывают разводы, и большинство верующих их одобряют, так как к разводам прибегают женщины, которым уже действительно невозможно больше терпеть.

Молоканские общины по традиции продолжают влиять на бытовую, семейную обрядность и фактически держат ее в своих руках. Для более удобного выполнения различных обрядов, на которые стекается много народа, общины ввели новшество — общинную посуду (чайную и столовую), скатерти и т. п., чтобы по мере надобности можно было ее использовать в любом доме, где совершается тот или иной обряд.

До сих пор в подавляющем большинстве молоканских семей вступление молодежи в брак сопровождается молоканским обрядом. Даже если в брак вступают комсомольцы, их верующие родители настаивают на соблюдении обряда. Главными действующими лицами во время этих обрядов выступают пресвитер и старцы в сопровождении певчих.

При этом исполняются приуроченные к данному случаю псалмы, а у прыгунов и духовные песни. Пресвитер и старцы обращаются к новобрачным с напоминанием не забывать братство, посещать моления и соблюдать обряды, завещанные отцами и дедами. До сих пор даже свадебный стол сохраняет обычный молоканский набор блюд.

Однако и в свадебную обрядность проникают новые элементы, хотя они и не заняли господствующего положения и продолжают сочетаться с религиозными обрядами. Примером может служить свадьба заведующей библиотекой села Фиолетово, проходившая в 1963 г. В субботу вечером в доме невесты была устроена настоящая комсомольская свадьба, на которой было полно молодежи, были приглашены коммунисты и многие уважаемые люди села. Невеста надела нарядное платье, была современная музыка, танцы. Молодежь веселилась до глубокой ночи. А наутро, в воскресенье, продолжение свадьбы было уже по молоканскому обряду. Невесту вели в дом жениха с пением псалмов. Там был проделан полностью молоканский обряд. Девушка возражала против этого обряда, но была вынуждена подчиниться, так как в противном случае теряла любимого. Отец жениха являлся заместителем пресвитера у постоянных и потребовал полного соблюдения обряда. Этот пример не единственный. Некоторые учительницы-комсомолки в Фиолетово выходили замуж тоже по молоканскому обряду. Это делается

обычно по настоянию родителей брачащихся.

Все дети, родившиеся в молоканских семьях, обязательно подвергаются обряду крещения («кщения»). Слово «крестить» молокане переделали в «кстить». Если над родителями не был совершен молоканский брачный обряд, то кщение не может состояться. Если молодые родители ни разу не заглядывали на собрание, то при кщении им обязательно об этом старцы напомним. Им скажут, что если они не посещают моления, значит, отошли от молоканской веры и в таком случае им незачем просить братство покстить ребенка. Обычно первого ребенка кстят, памятуя заслуги родителей новобрачных. И, думая о рождении второго ребенка, молодые родители начинают изредка заходить в собрания. Здесь опять вступает в силу традиция: если они пошли в собрание, значит, они не могут ходить в кино и т. д.

Но самой большой заботой молокан является похоронный обряд. По молоканскому обычаю необходимо, чтобы все братство приняло участие в похоронах. В разговорах со многими верующими обычно выяснялось, что одной из главных причин их посещения молений является боязнь, что после смерти их никто не пойдет хоронить. Община умело пользуется этим обстоятельством. Одним из наиболее сильных нажимов на верующих является отказ хоронить умерших, по разным причинам отошедших от братства или при жизни нарушивших молоканские каноны. Эти угрозы обычно проводятся в жизнь. Поэтому, как только люди выходят из среднего возраста, они чаще посещают моления и стараются больше вникать в жизнь общины. Иногда начинают ходить в собрания и те, которые ни разу там не появлялись.

Меньше всего подвергся изменениям религиозный культ молоканства. В нем наиболее сильно проявляется консерватизм молоканских бытовых традиций.

Собрания и в настоящее время занимают большое место в религиозном культе молокан. Воскресенье является днем отдыха у молокан. В субботу производится тщательная уборка жилищ, затем устраивается баня, а в воскресенье утром верующие небольшими группами тянутся в молельные дома. Собрания длятся в среднем около двух часов. У постоянных они проходят в спокойной обстановке. Чтение из священного писания и толкование прочитанного периодически сменяется пением псалмов. Поют протяжно, на мотивы старинных русских песен. Только в конце собрания, когда убираются скамейки и все встают на колени, а пресвитер читает длинную молитву с различными просьбами к Богу о сохранении здоровья, прощении грехов и т. д., женщины рыдают во весь голос. У некоторых эти рыдания наигранны, у них уже выработалась привычка плакать на собраниях, у других же они вполне искренни.

У прыгунов еще до сих пор сохраняется «вхождение в дух», трясение и прыгание. На непривычного человека их собрание производит очень тягостное впечатление. Кажется, что ты находишься в каком-то другом мире. Нервы напрягаются до предела, и к концу собрания чувствуешь себя совершенно разбитым.

\* \* \*

Как показывают наблюдения над бытом закавказских молокан, среди них еще сильны религиозные верования и влияние общин еще значительно. Это объясняется известной замкнутостью, изолированностью молокан в Закавказье. Закавказские молokane не имеют никакой связи с молokaneми других районов и развиваются самостоятельно. Однако, несмотря на консервативную силу молokaneских традиций, в целом молokaneство постепенно разлагается. Попытки затормозить этот процесс, приспособить старую веру к новым условиям жизни, не имеют будущего.